

Как работать с Китаем на нашем Дальнем Востоке? (в преддверии Восточного экономического форума-2021)

© Лузянин С.Г.^{a, b}, 2021

^a Национально-исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия;

^b Московский государственный институт (Университет)
международных отношений (МГИМО (У) МИД России), Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме. 2-4 сентября 2021 г. во Владивостоке состоится VI ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ). Ключ для обновления российско-китайской дальневосточной повестки - это изучение особенностей российских и китайских региональных приоритетов, существующих препятствий и путей их преодоления.

В статье рассматривается трансрегиональное взаимодействие двух государств, дополнительные возможности повышения его эффективности. Анализируются достигнутые результаты и ошибки прошлого, а также перспективы расширения инвестиционных и инфраструктурных проектов. Делается попытка обозначить наиболее острые и важные пункты повестки Форума, дать некоторые практические рекомендации.

Форум направлен на продвижение России в Азии и привлечение иностранных, в т.ч. и китайских инвестиций в дальневосточные регионы. В прикладном, экономическом плане, российско-китайские отношения явно нуждаются в диверсификации, формировании ряда дополнительных экономических, административных, правовых и инфраструктурных возможностей для более активного привлечения Китая на Дальний Восток. Китайское видение российских дальневосточных регионов не всегда совпадает с российским.

Важно, опираясь на политическую волю и взаимное доверие, откровенно и объективно обсудить все чувствительные «моменты» и противоречия, которые еще существуют как на уровне совместного сотрудничества, так и в сфере деловой политики Китая. Объединение экспертных и административно-политических усилий позволит создать качественный интеллектуальный продукт для построения оптимальной российско-китайской модели кооперации и взаимовыгодного сотрудничества в восточных регионах России.

Ключевые слова. Восточный экономический форум-2021, Россия, Китай, Дальний Восток, трансграничное сотрудничество

Для цитирования: Лузянин С.Г. Как работать с Китаем на нашем Дальнем Востоке? (в преддверии Восточного экономического форума - 2021). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 6. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750015126-0

How to work with China in our Far East? (on the eve of the Eastern Economic Forum-2021)

© Sergey G. Luzyanin^{a, b}, 2021

^a HSE University, Moscow, Russia;

^b Moscow State Institute (University) of International Relations,
Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract. On September 2-4, 2021, the Annual VI Eastern Economic Forum will be held in Vladivostok. The forum is aimed at promoting Russia in Asia and attracting Asian investments to the Far Eastern regions. In applied economic terms, Russian-Chinese relations clearly need diversification of interaction, the formation of a number of additional economic, administrative, legal and infrastructural opportunities for more active attraction of China to the Far East on trade and investment tracks.

The article examines one of the key items on the WEF agenda - Russian-Chinese regional cooperation, the search for additional opportunities to increase its effectiveness. The results achieved, obstacles and prospects for cross-border cooperation between the Russian Federation and the PRC, the creation of border crossings, the expansion of investment projects, the strengthening of interaction between neighboring Russian and Chinese regions and provinces are analyzed. An attempt is made to identify the most acute and important items on the agenda of the Forum, to give some practical recommendations.

It is obvious that the Chinese vision of the Far East, the methods and forms of its development, do not always coincide with the Russian one. It is fundamentally important, relying on political will and mutual trust, to frankly and honestly sort out all the non-coinciding, sensitive "points" and contradictions that exist both at the level of joint cooperation and in the sphere of Chinese business policy in the Far Eastern regions.

Combining expert and administrative-political efforts will make it possible to create a high-quality intellectual product of cooperation between the two states in the Russian Far East.

Keywords: Eastern Economic Forum 2021, Russia, China, Far East, cross-border cooperation

For citation: Sergey G. Luzyanin. How to work with China in our Far East? (On the eve of the Eastern Economic Forum-2021). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 6. Pp. 5-13 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015126-0

ВВЕДЕНИЕ

Отмененный в 2020 г. из-за пандемии *COVID-19* ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ) в этом году состоится 2-4 сентября во Владивостоке.

Геополитически очевидно, что VI Форум будет проходить в условиях дальнейшего глобального противостояния России с США и их союзниками, общего обострения отношений в системе «Запад - Восток». Одним из важнейших ресурсов в этом противостоянии для России является российско-китайское стратегическое партнерство, которое после подписания 4 июля 2001 г. Договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» за 20-летний период переросло, фактически, в «полусоюзническое партнерство», сдерживающее американское давление по всем основным (военно-политическим, дипломатическим, гуманитарным) направлениям [10].

В прикладном, экономическом плане российско-китайские отношения явно нуждаются в диверсификации, особенно в плане формирования ряда дополнительных валютно-финансовых, административно-правовых и инфраструктурных возможностей и направлений для более активного привлечения Китая на Дальний Восток. Особенно остро этот вопрос стоит на торгово-инвестиционных треках, которые в условиях пандемии и закрытия границ серьезно пострадали.

Наиболее актуальным представляется экспертный анализ сложившихся на сегодняшний день межрегиональных и трансграничных российско-китайских реалий, которые требуют объективного, комплексного анализа и откровенного обсуждения. Речь идет о перспективах старых и возможностях новых трансграничных переходов и коридоров, расширении и изменении специализаций инвестиционных проектов, усилении взаимодействия соседних российских и китайских областей и провинций.

В рамках статьи делается попытка обозначить все эти острые и важные вопросы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН ТРАНСГРАНИЧНОГО ПАРТНЕРСТВА. ПУТЬ К УГЛУБЛЕНИЮ И РАСШИРЕНИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА

Основой российско-китайского трансграничного сотрудничества является прочное и глубокое стратегическое партнерство, которое в настоящее время переживает серьезную трансформацию в плане его углубления и выхода на новый более высокий уровень. Причины подобной эволюции связаны как с внутренними экономическими и культурно-цивилизационными факторами сближения двух государств и народов, так и внешними геополитическими, обусловленными растущими вызовами и угрозами со стороны западного мира во главе с США, с необходимостью отстаивания международного права, институтов глобального управления и развития стратегической безопасности. Россия и Китай давно вышли за рамки двусторонних форматов и являются государствами, формирующими повестку обновления «неамериканского мира» [16].

С китайской стороны новое качество двустороннего партнерства выразилось в изменении его классических постулатов. До 2021 г. Китай официально придерживался трех принципов, оформленных как «три нет»: 1) не вступать в союз, 2) не создавать конфронтацию, 3) не ориентироваться на третьи страны в ущерб каждой из двух. В настоящее время в КНР официально фигурирует новая версия: 1) стратегическому партнерству нет конца, 2) нет запретных тем, 3) нет высшей ограничительной планки [14]. Смысл последнего «нет» теоретически открывает варианты реформатирования договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» 2001 г.

С российской стороны также просматриваются новые подходы. Выступая 22 октября 2020 г. на XVII ежегодном заседании дискуссионного клуба Валдай президент РФ В.В.Путин сказал, что стороны «...всегда исходили из того, что наши отношения достигли такой степени взаимодействия и доверия, что мы в этом не нуждаемся, но теоретически вполне можно себе такое представить»¹. До этого, 4 октября 2019 г. также на заседании клуба российский руководитель сообщил, что Россия помогает Китаю создавать систему предупреждения ракетного нападения (СПРН), что укрепляет стратегическую стабильность в мире и безопасность двух стран.

Очевидно, что в оборонных планах двух государств существуют некие варианты радикального сближения на случай форс-мажорных обстоятельств, включая и возможную союзническую формализацию отношений. На наш взгляд, учитывая высокий уровень уже достигнутого взаимного политического доверия и военно-технического сотрудничества, такой неформализованный союз между Россией и Китаем

¹ Заседание дискуссионного клуба Валдай. Выступление В.В.Путина. 22 октября 2020. <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (accessed 22.10.2021)

практически сложился и в создании официального сегодня нет необходимости. Он может возникнуть только в случае реальной военной агрессии со стороны США или их союзников против одной или одновременно двух держав.

Текст ряда статей договора 2001 г. вполне может быть актуализирован в плане их расширения и конкретизации. В частности, ст. 9, в которой предусматриваются консультации в целях устранения возникшей угрозы для одной или двух договаривающихся сторон [15], может быть отредактирована. В условиях идущей новой «холодной войны» одних взаимных «консультаций» для защиты национальных интересов и территориальной целостности России и Китая явно недостаточно, необходимы более существенные действия, чтобы охладить пыл потенциальных противников.

В любом случае обновление и углубление политических отношений работает на развитие наиболее слабого, отстающего торгово-экономического звена. С учетом более чем 4 тыс. км общей границы, взаимодействие двух государств на приграничном, региональном уровне, кроме коммерческих выгод приобретает важные геополитические смыслы и значения.

ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК. ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ?

На развитие российско-китайских отношений, включая дальневосточные опции, особенное влияние оказывали и оказывают два разнонаправленных процесса.

Во-первых, позитивный тренд, связанный с формированием в России и Китае на экспертном и политическом уровне нового видения Евразии. В первом десятилетии 2000-х гг. в РФ и КНР активно разрабатывалась евразийская тематика, включая обсуждение идеи «Поворота России на Восток» и вариантов повестки взаимодействия Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Китаем.

В итоге, экспертные разработки вылились в важное политическое решение двух государств. 8 мая 2015 г. Москвой и Пекином было подписано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Стороны заявили о желании совместно развивать и осваивать большое евразийское пространство.

Для Дальнего Востока это означало, что в рамках «поворота» и «сопряжения» этот регион для российского федерального центра и крупного бизнеса не только становится расширенным «окном» в Китай и другие страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), но и приоритетным местом приложения инвестиционных, транспортных, социальных и гуманитарно-образовательных усилий и ресурсов.

Долгое время жителями Сибири и Дальнего Востока «поворот» воспринимался достаточно формально, как очередная компания центра, заинтересованного в реализации углеводородных мега-проектов, направленных в Китай, идущих «поверх», а не «вглубь» их дальневосточных территорий. Сохранялось ощущение оторванности от европейской России.

Идея В.В.Путина, озвученная на заседании правительства 23 декабря 2020 г. о необходимости «инфраструктурно сшивать» огромную территорию Дальнего Востока и центральных районов России через реализацию местных региональных проектов², фактически, положила начало переосмыслению «поворота» через расширение внутренних транспортных и других жизненно необходимых для людей возможностей. С определенными трудностями, но постепенно, происходит социально-экономическое смещение центра на Восток России, что и является, на наш взгляд, одним из ключевых внутрироссийских проявлений «восточного поворота».

Для Китая «сопряжение» и «поворот» ассоциируются с дополнительными возможностями не только освоения Евразии, но и создания новых транспортных и инвестиционных «стыковок» по всей линии совместной границы, включая ее дальневосточный участок.

Во-вторых, влияние оказывает негативное явление, связанное с нарастанием асимметрии ожиданий сторон от торгово-экономических отношений. Россия с начала 2000-х гг. пыталась изменить структуру сырьевой торговли, увеличить сектор совместных производств, привлечь китайские инвестиции в сферы высоких технологий и развитие на этой основе регионов Сибири и Дальнего Востока. Китай же рассматривал российские сопредельные территории, в основном, как источник энергетических и сырьевых ресурсов.

В это время в китайской экспертной лексике появилось выражение: «Горячо вверху, но холодно внизу», что означало несоответствие объемов и качества двусторонних экономических отношений высокому политическому формату российско-китайского стратегического партнерства.

² В.Путин заявил, что необходимо «инфраструктурно сшивать» огромную территорию России. <https://tass.ru/ekonomika/10335109/amphttps://tass.ru/ekonomika/10335109/amp>(accessed 23.12.2020)

Эта модель, в основном, сохраняется в настоящее время, что является одним из препятствий для дальнейшего сбалансированного и гармоничного развития. Перед обеими сторонами стоит сложная и долгосрочная задача постепенного преобразования этой асимметричной структуры, которую можно решать, в том числе, на торгово-инвестиционных и инфраструктурных треках, включая кооперацию в сфере инновационных высоких технологий. Важным средством выравнивания остается большой политический ресурс обеих сторон. «Горячий верх» может и должен подтягивать «холодный низ».

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ. ВРЕМЯ ИСПРАВЛЯТЬ ОШИБКИ

Особенностью трансграничных российско-китайских связей являются регулярные попытки Москвы и Пекина состыковать развитие приграничных субъектов российского Дальнего Востока и регионов Северо-Восточного Китая в рамках единой стратегии кооперации и со-развития. В 2009 г. была принята «Программа сотрудничества между Северо-Востоком Китая и российским Дальним Востоком на 2009-2018 гг.», а на Восточном экономическом форуме в 2018 г. во Владивостоке была официально запущена новая «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018-2024 гг.».

Формально обе программы выглядели как продолжение единой стратегии трансграничной кооперации и основные направления казались вполне логичными и необходимыми.

В первую программу 2009-2018 гг. была заложена идея интеграции смежных территорий, создание зон опережающего развития, строительство трансграничных высокоскоростных магистралей, совместное освоение острова Большой Уссурийский и пр. При этом в ней были и слабые места, связанные с некоторыми завышенными ожиданиями двух стран от регионального сотрудничества, переоценкой своих возможностей. В результате, примерно 70% списка планируемых 212 совместных проектов, большую часть из которых предполагалось реализовать на российских территориях, не было реализовано.

В новую программу 2018-2024 гг. были внесены соответствующие корректировки, а уровень подписантов был сведен с высшего государственного до глав профильных ведомств двух стран.

С российской стороны причины частичного выполнения первой программы, на наш взгляд, заключались не столько в недостаточности финансовых ресурсов, сколько в неготовности региональных и федеральных властей максимально открываться Китаю на уровне приграничного регионального сотрудничества. Вопрос о пределах открытости российского Дальнего Востока и КНР остается самым сложным, неоднозначным, чувствительным и в настоящее время. По этой проблеме пока нет единого подхода в российском экспертном сообществе (см. [4; 7; 8; 9; 12]).

Несмотря на отсутствие в самом Китае некоей «тайной» государственной стратегии «закабаления и захвата» Сибири и Дальнего Востока и «экспансии», асимметрия экономических потенциалов двух стран в пользу Поднебесной, заставляет Россию пока сдержанно относиться к созданию Зоны свободной торговли (ЗСТ) с КНР, концентрируясь на трансграничных транспортных, инвестиционных и других проектах.

Как известно, 17 мая 2018 г. на межгосударственном уровне было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, которое является рамочным, не преференциальным, нацелено на упрощение ведения бизнеса и координацию сотрудничества. В настоящее время идут российско-китайские переговоры о подписании преференциального соглашения по услугам и инвестициям, которое в перспективе может быть ориентировано на либерализацию доступа на рынки услуг и инвестиций.

С китайской стороны причины слабой реализации первой программы также не были связаны с недостаточностью финансовых ресурсов или нежеланием Пекина к со-развитию приграничных территорий. Истинная причина крылась в фактической альтернативности китайского подхода в сфере регионального со-развития российскому. Китайская сторона в этот период была нацелена на строительство инфраструктуры и повышение импорта необработанного российского сырья, тогда как Россия больше внимания пыталась уделять проектам, связанным с обрабатывающими отраслями промышленности и развитием у себя совместных российско-китайских производств с высокой добавленной стоимостью, включая сферу высоких технологий. Так, ведущие эксперты КНР, профессора Фэн Шаолэй и Цуй Хэн считали, что программа 2009-2018 гг. была выполнена только на четверть, и что базовая, «методологическая» причина заключалась в несовпадающих подходах сторон по реализации ключевых проектов [13].

В ноябре 2020 г. была запущена реформа российских институтов развития в плане их сокращения и оптимизации, коснувшаяся и дальневосточных структур. В частности, госкорпорация «ВЭБ. РФ» под руководством И.И.Шувалова, вобрала ряд проектов, связанных с российско-китайскими трансграничными делами. При этом усилились ресурсы влияния у российско-китайской межправкомиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока, Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР.

Важным моментом успешного развития российско-китайских межрегиональных программ для российских властей, на наш взгляд, является дозированное совмещение административных и экономических, либеральных методов, а также устранение китайских фобий и предрассудков.

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ. ЧТО ИЩЕТ КИТАЙ?

В настоящее время в Китае происходит медленная, но постепенная переоценка старых односторонних подходов и ожиданий. Так, эксперты КНР все чаще обращают внимание на то, что в действующей программе 2018-2024 гг. содержатся разделы, позволяющие потенциальным китайским инвесторам реализовать преимущества Дальнего Востока, прежде всего в плане использования новых институтов развития. Как известно, российские власти до пандемии *COVID-19* успели запустить в дальневосточных регионах 22 Территории опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ) - специальный административный режим, затрагивающий не только сам Владивосток, но и другие дальневосточные субъекты России.

Созданная система в чем-то себя оправдала, особенно в плане появления на Дальнем Востоке новых российских госкорпораций, создания дополнительных преференциальных зон, электронной визы и упрощенной процедуры ведения бизнеса, в чем-то нет. Однако главная цель - массовое привлечение иностранных, в первую очередь китайских инвестиций, в 2020 г., - не была достигнута [21].

Каждый ТОР имеет свою отраслевую специфику и большую линейку инвестиционных возможностей: от туризма, горнодобычи, транспорта, логистики, до морских биоресурсов и др. Особое внимание в настоящее время китайцы обращают на возможности выгодной реализации своих инвестиционных проектов в ТОРы: «Надеждинская» (Приморский край) - в гражданское судостроение завода «Красная Звезда»; «Николаевск» (Хабаровский край) - в глубокую переработку древесины, авиацию, судостроение, логистику; «Михайловское» (Приморский край) - сельское хозяйство; «Белогорск» (Амурская обл.) - в логистику, газопереработку и др. [2; 3].

Китайские эксперты отмечают, что, если их инвесторы успешно реализуют проекты в той или иной зоне ТОР и возникнет необходимость формирования нового проекта на его территории или вне его, российские власти поддержат эти инициативы. В данных разработках явно прослеживается желание к большей диверсификации своего бизнеса, освоению новых взаимовыгодных опций и целых бизнес-направлений в отдельных в ТОРах [2; 3].

Очевидно, что при подготовке экспертных площадок VI ВЭФ организаторам следует учесть данную специфику китайских запросов по работе в преференциальных зонах для успешного оформления профильных контрактов и соглашений.

ТОЧЕЧНАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ. ПАНДЕМИЯ ОЧИЩАЕТ ОТ КРИМИНАЛА?

В Китае при разработке вопросов трансформации и диверсификации российско-китайских региональных связей, в особенности курса на отход от традиционной привязки к импорту российского круглого леса, китайские компании сталкиваются с серьезным внутренним противодействием отдельных бизнес-групп, заинтересованных в сохранении старых схем и моделей. Очевидно, что такое обновление и эволюция трансрегионального бизнеса чрезвычайно болезненна для части китайских предпринимателей Северо-Восточного Китая, особенно провинций Цзилинь и Хэйлуцзян, в которых десятилетиями складывалась деревообрабатывающая и бумажно-целлюлозная промышленность, работающая исключительно на российском сырье.

Пандемические реалии и введение ряда ограничений на экспорт российского необработанного леса явно очищают Сибирь и Дальний Восток от теневого, полукриминального российско-китайского сегмента, особенно в таких сферах, как лесозаготовки, экспорт лесных богатств, минеральных ресурсов и сельского хозяйства. Выяснилось, что пандемия заставила дальневосточные регионы в отдельных секторах обходиться без китайских капиталов и ее рабочей силы, поскольку многое нашлось и без Китая в самой России [6], что, несомненно, является дополнительным конкурентным стимулом для заинтересованных в восстановлении утраченных позиций китайских предпринимательских групп в постпандемический период, но на новых условиях, предлагаемых российской стороной.

Пандемия объективно усилила стремление обоих государств к развитию онлайн-кооперации. Налицо успешные инициативы местных администраций с обоих берегов Амура о совмещении административных и современных, дистанционных методов при реализации трансграничных проектов.

Так, в августе 2019 г. Китай создал в Харбине Хэйлуцзянскую пилотную зону свободной торговли, основной целью которой является формирование центра регионального сотрудничества с Россией и Северо-

Восточной Азией [11]. Активно развивается ЗСТ г. Хэйхэ, приграничного с Амурской областью, специализирующаяся на развитии трансграничной онлайн-торговли и др. [5]. Российские местные власти и предприниматели положительно относятся к этим шагам, поскольку они в условиях жестких карантинных мер позволяют эффективно и достаточно мобильно развивать торговую кооперацию на более высоком уровне.

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ И РОССИЙСКИЕ РИСКИ

В допандемический период российское федеральное и местное руководство прилагало немало усилий, чтобы как-то оживить китайский инвестиционный трек.

В январе 2017 г. тогдашний министр по развитию Дальнего Востока А.С.Галушка предложил создать Дальневосточный центр поддержки инвесторов и предпринимателей из Китая. Инициатива формально обсуждалась китайской стороной, но реальной поддержки не получила. По мнению ведущих дальневосточных экспертов, причины такой сдержанности были связаны с тем, что природно-сырьевые ресурсы Тихоокеанской России тогда не очень привлекали китайцев для обеспечения своей сырьевой безопасности. На низкую инвестиционную активность влияли также и традиционные факторы малонаселенности Дальнего Востока и узкого местного рынка [9].

Как следствие, бума китайских инвестиций в экономику Дальнего Востока не произошло. При том, что накопленный объем прямых инвестиций с 2014 по 2019 гг. из КНР вырос в регионе в 2,5 раза (с \$247 до \$619 млн), доля КНР в общем объеме ПИИ в ДВФО составляла менее 1%, а в созданных территориях опережающего развития и Свободном порту Владивосток по факту реализовывалось в 2019-2020 гг. 45 проектов, в которых китайский бизнес вложил менее \$300 млн [9]. В 2014 г. объем накопленных китайских капиталовложений оценивался в \$4,5 млрд, а в 2019 г. он уменьшился до \$2,7 млрд, т.е. сокращение объема китайских ПИИ за 6 лет составило 1,8 млрд [11].

В 2020 г. в Китае на экспертном уровне были подробно разобраны основные препятствия для китайских вложений в сибирско-дальневосточные субъекты. По мнению китайских ученых, это 4 основные группы рисков:

- 1) противоречивая законодательная база и судебная система;
- 2) высокие налоги и необоснованные сборы;
- 3) неэффективное государственное управление, громоздкие процедуры и длительные циклы оформления проектов;
- 4) слабо развитая инфраструктура на Дальнем Востоке [1].

Следует заметить, что в настоящее время часть из указанных препятствий постепенно демонтируются в плане упрощения оформления и сокращения сроков сделок, развития транспортной инфраструктуры. Однако отдельные китайские претензии справедливы: в российских восточных регионах всё еще сохраняется недостаточно развитая инфраструктурная сеть с низким качеством дорог. Существуют нестыковки по логистике, проблемы коррупции и др.

Возможно, что в рамках VI ВЭФ следует провести специальную сессию по данной проблеме, чрезвычайно актуальную для потенциальных китайских и российских инвесторов, комплексно рассмотрев административно-правовые и экономические нестыковки для их полной ликвидации.

Одновременно сейчас в Китае происходит определенная «раскрутка» существующих в российском налоговом законодательстве новых льгот для инвестиционных проектов на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе. Например, статей налогового законодательства, по которым иностранные инвесторы, вложившие на Дальнем Востоке более 50 млн руб. в течение 3 лет или более 500 млн руб. в течение 5 лет, получают льготы по налогу на прибыль и другие преференции [2; 3].

ПУТИ И КОРИДОРЫ. ЧТО МОЖНО ЕЩЕ ОБСУДИТЬ НА ФОРУМЕ?

Важным направлением российско-китайского трансграничного сотрудничества является транспортное направление, включая обновление старых и создание новых коридоров. Завершено строительство автомобильного «Хэйхэ - Благовещенск» и железнодорожного «Нижнеленинское - Тунцзян» переходов через Амур, которые в ближайшее время будут сданы в эксплуатацию (планируется на августе 2021 г.). Очевидно, что это будет стимулом для активизации не только местного грузового сообщения, но и в целом интенсификации экономических связей сибирско-дальневосточных регионов и провинций Северо-Востока Китая.

В провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь с 2018 г. существуют свои внутренние региональные программы развития путей и коридоров, привязанные в более широком контексте к известной китайской инициативе «Один Пояс - Один Путь». Фактически, обе региональные программы соседних провинций, работают на

оживление и модернизацию ранее запущенных инфраструктурных, инвестиционных и транзитных проектов двух государств.

Речь идет, в первую очередь, об активизации известных российских проектов «Приморье-1 и 2», предполагающих доставку китайских грузов в дальневосточные порты (Владивосток, Восточный, Зарубино) и отправку их как в страны восточноазиатского региона, так и в Шанхай и Нинбо. А также о развитии железнодорожного транзита «Владивосток - Суйфэнхэ - Харбин - Маньчжоули - Транссиб» и расширении преференциальной зоны реки Туманган / Туманная, где географически стыкуются Россия, Китай и Северная Корея. В последнем случае, на наш взгляд, просматривается попытка Пекина обновить законсервированный в свое время Туманганский проект в составе пяти государств: РФ, КНР, РК, КНДР, Монголия + Япония (на неправительственной основе).

Очевидно, что все проекты китайских провинций встроены в общегосударственные планы Поднебесной, являются частью общей стратегии продвижения Китая в Евразии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), в целом. Целесообразно в рамках Форума проанализировать новые восточноазиатские макроэкономические и политические измерения этих программ, которые явно выходят за рамки двустороннего регионального сотрудничества, охватывая как российский Дальний Восток, так и всю Северо-Восточную Азию.

Российско-китайская стратегия развития путей и коридоров высвечивает и монгольское измерение, которое работает на трансграничную кооперацию трех государств - РФ, КНР и Монголии. 24 июня 2016 г. в Ташкенте президентом РФ В.В.Путиным, председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Монголии Ц.Эльбэгдоржем была подписана «Программа создания экономического коридора Китай - Монголия - Россия». Рамочный документ обозначил сибирско-монгольский вектор на сопряжение Евразийского экономического союза, Экономического пояса Шелкового пути и монгольского «Степного пути», включая реализацию 32 проектов в области транспорта, электроэнергетики, таможенного регулирования и др. При этом документ носит общий характер без конкретизации и планов реализации заявленных объектов [17].

Часть сибирских экспертов считает, что коридор является скрытой альтернативой китайскому «Поясу и Пути» [18]. На самом деле трехсторонний проект был изначально просчитан китайцами как один из 6 основных коридоров «Пояса и Пути» [19]. Китайские эксперты рассматривают новый «треугольник» как некую субрегиональную «комбинированную версию» подтягивания Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) и двух соседних провинций Северо-Востока КНР к монголо-сибирским и дальневосточным ресурсным, включая углеводороды, территориям через развитие инфраструктуры [20]. В рамках этой стратегии китайская сторона поддержала инициативу России в 2019 г. о прокладке второго магистрального газопровода из Западной Сибири через Монголию в Китай («Сила Сибири.2»). В настоящее время завершено технико-экономическое обоснование проекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне углубления стратегического партнерства VI ВЭФ может и должен стать главной площадкой приведения российско-китайского трансграничного сотрудничества в соответствие с экономическими, геополитическими и местными реалиями и задачами 2021 года. Объединение экспертных и административно-политических усилий даст возможность создания качественного интеллектуального продукта кооперации двух государств на российском Дальнем Востоке.

В работе специализированных секций и панелей было бы полезным обсуждение российских и китайских приоритетов, перспективных планов, а также существующих препятствий и путей их преодоления. Очевидно, что китайское видение Дальнего Востока, способов и форм его освоения не всегда совпадает с российским. Принципиально важно, опираясь на политическую волю и взаимное доверие, откровенно и честно разобрать все несовпадающие, чувствительные «точки» и противоречия, существующие как на уровне совместной кооперации, так и в сфере китайской бизнес-политики в дальневосточных регионах.

Главными «окнами» России в Китай являются китайские провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренней Монголии, уровень кооперации с которыми после открытия переходов через Амур явно повысится. Задачи местных властей с обеих сторон - постоянно диверсифицировать эту кооперацию, находить качественно новые опции и направления, включая оживление торговых и логистических направлений, работу ТОРов, Свободного порта Владивосток, новых межрегиональных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. 中国企业 在俄罗斯远东地区的投资与风险. (Инвестиции и риски китайских компаний на Дальнем Востоке). <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html>; <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html> (accessed 21.07.2020)

2. 李勇慧,倪月菊. 俄罗斯远东超前发展区和自由港研究. *欧亚经济*. 2019 年第 5 期. (Ли Юнхуэй, Ни Юэцзюй. Исследование зоны опережающего развития и свободного порта Дальнего Востока России. *Экономика Евразии*. 2019. Выпуск 5, с. 60-74)
3. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划(2018-2024年). (План китайско-российского сотрудничества и развития на Дальнем Востоке (2018-2024 гг.). <http://www.heihe.gov.cn/info/1186/100368.htm> (accessed 27.06.2019)
4. Губин А.В. Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»: возможности и проблемы. *Сравнительная политика*. 2020. № 4, с. 177-188. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10057
5. Зона свободной торговли Хэйхэ развивает международную онлайн-торговлю. <https://www.chinalogist.ru/news/zona-svobodnoy-torgovli-heyhe-razvivaet-mezhdunarodnuyu-onlayn-torgovlyu-20254> (accessed 20.02.2021)
6. Зуенко И. Без китайцев. Как пандемия меняет сельское хозяйство Дальнего Востока. <https://www.carnegie.ru/commentary/83423> (accessed 10.12.2020)
7. Зуенко И. Как Китай будет развивать Дальний Восток. 29.10.2018. <https://www.carnegie.ru/commentary/77590> (accessed 01.11.2018)
8. Иванов С.А. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2018. № 1 (82), с. 54-65. DOI: 10.17238/ISSN1815-0683.2018.1.54
9. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа. *Сравнительная политика*. 2020. № 2, с. 9-27. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015
10. Лузянин С.Г. «Россия - Китай» или «Великая Америка». Будет ли конец истории? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8, с. 2-4. DOI: 10.31857/S032150750005765-3
11. Лузянин С.Г., Чжао Хуашэн. Российско-китайский диалог: модель 2020. Российский совет по международным делам (РСМД). Отв. Ред. И.С. Иванов. М., 2020, с. 64-65.
12. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., «Стратегические изыскания», 2019, с. 527-551.
13. Фэн Шаолэй, Цуй Хэн. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. *Россия в глобальной политике*. https://www.globalaffairs.ru/articles/razvitie-dalnego-vostoka-i-kitajsko-rossijskie-otnosheniya-novoe-videnie-i-novye-podhody/#_ftn4 (accessed 30.09.2019)
14. Ломанов А. Китай: разрушение старых иллюзий. <https://www.interfax.ru/world/757541> (accessed 24.03.2021)
15. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (accessed 17.07.2001)
16. Лузянин С.Г. Россия - Китай: формирование обновленного мира. М.: Весь Мир, 2018, 328 с.
17. Борисов Г.О., Дондоков З.Б., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай - Монголия - Россия. *Всероссийский экономический журнал. ЭКО*. 2017, № 5, с. 98-106.
18. Бадарав В.В., Винокурова А.В., Литвинова Т.Н. Создание экономических коридоров «Китай - Монголия - Россия» как альтернатива «Шелковому Пути». *Ойкумена*. 2017. № 2, с. 7-17.
19. 中蒙俄经济走廊建设面临的机遇、挑战及应对策略. (Возможности, проблемы и контрмеры, стоящие перед строительством экономического коридора Китай-Монголия-Россия). http://www.nanhai.org.cn/review_c/140.html (accessed 30.11.2015)
20. 吴云勇, 王炳峰. 中俄区域经贸合作面临的机遇、存在的问题及优化建议. (У Юньонг, Ванбин Фэн. Возможности, существующие проблемы и предложения по оптимизации китайско-российского регионального торгово-экономического сотрудничества). <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/61663.shtml> (accessed 26.08.2020)
21. Зуенко, И. От Системы к ВЭБу. Что даст Дальнему Востоку реформа институтов развития. <https://carnegie.ru/commentary/83376> (accessed 03.12.2020)

REFERENCES

1. Investments and risks of Chinese companies in the Far East. 21.07.2020. (In Chin.). <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html> (accessed 01.10.2020)
2. Li Yonghui, Ni Yueju. Study of the advanced development zone and free port of the Russian Far East. Oh, I'm jingji. 2019. Issue 5, pp. 60-74 (In Chin.)
3. Plan of Sino-Russian Cooperation and Development in the Far East. 2018-2024. (In Chin.). <http://www.heihe.gov.cn/info/1186/100368.htm> (accessed 27.06.2019)
4. Gubin A.V. 2020. The Russian Far East in the Chinese Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges. *Comparative Politics*. № 4 (In Russ.)
5. Heihe Free Trade Zone develops international online trade. (In Russ.). <https://www.chinalogist.ru/news/zona-svobodnoy-torgovli-heyhe-razvivaet-mezhdunarodnuyu-onlayn-torgovlyu-20254> (accessed 20.02.2021)
6. Zuenko I. Without Chinese. How the pandemic is changing agriculture in the Far East. 10.12.2020. (In Russ.). <https://www.carnegie.ru/commentary/83423> (accessed 10.12.2020)
7. Zuenko I. How China will develop the Far East. Carnegie Moscow Center. 10.29.2018. (In Russ.). <https://www.carnegie.ru/commentary/77590> (accessed 01.11.2018)
8. Ivanov S.A. 2018. The program of cooperation between the eastern regions of Russia and the northeastern regions of China: political significance and economic efficiency. *Customs policy of Russia in th Far East*. № 1 (82). DOI: 10.17238/ISSN1815-0683.2018.1.54 (In Russ.)
9. Larin. V.L. 2020. "Chinese expansion" in the eastern regions of Russia at the beginning of the XXI century through the prism of comparative analysis. *Comparative politics*. 2020. № 2. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015

10. Luzyanin S.G. 2019. «Russia - China» or «Great America». Will the «End of History» become a reality? *Asia and Africa today*. № 8. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005765-3
11. Luzyanin S.G., Zhao Huasheng. 2020. Russian-Chinese Dialogue: Model 2020. Russian International Affairs Council (RIAC). Ed. I.S. Ivanov. Moscow. (In Russ.)
12. 2019. The development model of modern China: estimates, discussions, forecast / Ed. A.D.Voskresensky. Moscow. (In Russ.)
13. Feng Shaolei, Cui Heng. Development of the Far East and Sino-Russian Relations: A New Vision and New Approaches. *Russia in Global Affairs*. 30.09.2019. (In Russ.). https://www.globalaffairs.ru/articles/razvitie-dalnego-vostoka-i-kitajsko-rossijskie-otnosheniya-novoe-videnie-i-novye-podhody/#_ftn4 (accessed 30.09.2019)
14. Lomanov A. China: the destruction of old illusions. (In Russ.). <https://www.interfax.ru/world/757541> (accessed 24.03.2021)
15. Agreement on good-neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the PRC. (In Russ.). <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (accessed 17. 07. 2001)
16. Luzyanin S.G. 2018. Russia - China: Formation of a Renewed World. Moscow. 2018. 328 p. (In Russ.).
17. Borisov G.O., Dondokov Z.B., Namzhilova V.O. Economic corridor China - Mongolia - Russia. *All-Russian economic journal. ECO*. 2017. № 5. (In Russ.)
18. Badaraev V.V., Vinokurova A.V., Litvinova T.N. 2017. Creation of economic corridors "China - Mongolia - Russia" as an alternative to the "Silk Road". *Ecumene*. 2017. № 2. (In Russ.)
19. Opportunities, Challenges and Countermeasures Facing the Construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor (In Chin.). http://www.nanhai.org.cn/review_c/140.html (accessed 30.11.2015)
20. Wu Yunong, Wangbin Feng. Opportunities, existing problems and proposals for optimizing the Sino-Russian regional trade and economic cooperation. (In Chin.). <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/61663.shtml> (accessed 26.08.2020)
21. Zuenko I. 2020. From Sistema to VEB. What will the reform of development institutions give to the Far East? (In Russ.). <https://carnegie.ru/commentary/83376> (accessed 03.12.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; профессор Московского государственного института (Университета) международных отношений (МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, HSE University, Moscow, Russia; Professor, Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
27.04.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.05.2021

Принята к публикации (Accepted)
21.05.2021